

Петрова Н.Е.

## «ОБРАТНАЯ» ПЕРЕХОДНОСТЬ СРЕДИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

Переход (транспозиция) слов из одной части речи в другую многими исследователями, начиная с В.В. Виноградова, рассматривается как способ диахронного словообразования [1, с. 74; 6, с. 242; 9, с. 263], в результате которого возникают слова, отличающиеся от исходных не только категориальным, но и «вещественным» (понятийным), а также референтным значением. При этом между первичной и вторичной единицей возникают формально-семантические мотивационные отношения, которые нередко сохраняются и определяют особенности функционирования морфолого-синтаксического деривата (транспозита) в синхронии языка. Исходная единица и транспозит, находясь в отношениях однонаправленной мотивации, выполняют функции производящего и производного слова, а «типической и важнейшей чертой производного слова как сложного знака действительности» является внутренняя форма (ВФ) [4, с. 518]. В данной статье мы рассмотрим специфическую ВФ транспозитов и квазитранспозитов и ее использование носителями языка в речевой деятельности.

ВФ производного слова – это материально-идеальная структура (костяк слова), компонентами которого являются производящая основа и деривационное средство: именно они репрезентируют лингвистический способ представления внеязыкового содержания [см. аналогичную точку зрения в 2, с. 26; 3, с. 60; 8, с. 163]. Специфику ВФ морфолого-синтаксических дериватов определяет характер использования производящего слова. При морфемном словообразовании производящее слово (или лексико-семантический вариант слова) участвует в создании производного как лексема (т.е. как совокупность всех своих возможных видоизменений), причем чаще в производном используется только основа производящего, выражающая мотивировочный признак номинации (исключение составляет префиксальная деривация, которая возможна только в пределах одной и той же части речи). Частные грамматические значения, носителями которых являются формообразовательные или словоизменительные морфемы, не используются в целях новой номинации и не входят в состав ВФ производного слова. При транспозиции в качестве мотивирующего выступает либо отдельная грамматическая форма слова (*на встречу* → *навстречу*), либо часть парадигмы слова (*ротный, -ая, -ое, -ые* → *ротный*), либо вся парадигма слова (*поношенный* прич. → *поношенный* прил.). Базовая единица в этом случае мотивирует новое слово целиком: со стороны семантики – совокупностью лексического и всех своих грамматических значений, со стороны формы – совокупностью как «лексических» (корневых и деривационных), так и грамматических морфем. Таким образом, ВФ морфолого-синтаксических дериватов составляет грамматическая форма или парадигма грамматических форм другой части речи. Например, в наречиях *впотьмах, наверху, вкось* угадывается исторически мотивирующая их предложно-падежная форма существительного, в существительных *горничная, чернорабочий, легкие* – форма прилагательного, в прилагательных *цветущий, неслышанный, узнаваемый, видимый* – форма причастия, в связке *значит* – личная форма глагола и т.д.

На базе морфолого-синтаксической деривации в русском языке сложились модели для морфемного образования слов. При этом «образцом» для формирования деривационных морфем послужили морфемы грамматические, что привело к существованию омонимов: предложно-флексионные форманты существительных и префиксально-суффиксальные форманты наречий, причастные суффиксы *-ем/-им-* и такие же суффиксы отглагольных прилагательных. Флексии прилагательных стали использоваться как деривационное средство для образования существительных адъективного склонения непосредственно от основ существительных. В результате в современном языке имеются целые пласты слов, которые, не будучи транспозитами, вызывают прямую ассоциацию с ними, например: *вприхлебку, внакладку, наповал; растворимый, неиссякаемый; шашлычная, блинная, насекомое*. Слова такого рода можно назвать «квазитранспозитами». Существенно подчеркнуть, что в них так же, как и в «истинных» транспозитах, оказывается заложены грамматический облик другой части речи.

Специфику ВФ транспозитов и квазитранспозитов, на наш взгляд, можно определить с помощью термина «грамматикализованная» по следующим соображениям. Первое: в способе представления внеязыкового содержания активно участвует весь комплекс грамматических элементов формы и значения мотивирующей единицы (отдельной формы, парадигмы, лексем). Во-вторых, омонимия деривационных и формообразующих морфем, наблюдаемая в синхронии языка, не только обуславливает структурную аналогию между транспозитами и квазитранспозитами, с одной стороны, и грамматическими формами иных частей речи, с другой стороны, но одновременно с этим инициирует грамматическую рефлексию носителей языка. В речи достаточно распространены такие употребления подобных образований, которые оживляют их ВФ (истинную или ложную) так, что происходит «обратная» транспозиция. Рассмотрим механизм данного явления на примере окказиональной «десубстантивации» (1), «деадвербиализации» (2) и «деадъективации» (3).

(1) Факты речевой десубстантивации существительных адъективного склонения уже давно отмечены исследователями русского языка [см., например, 7, 40–41]. Если субстантивация прилагательного (причастия, местоимения-прилагательного) проявляется в том, что предметное переосмысление меняет характер категорий рода и числа, приводит к сокращению парадигмы и изменению синтаксических функций слова, то десубстантивация формально выражается в расширении родо-числовой парадигмы бывшего существительного и возвращении ему синтагматики прилагательного: *И все они ... бросали на подсудимого трясущегося мальчика уничтожающие взоры (А. Солженицын); ... несла мельхиоровое*

ведерко, из которого в разные стороны смотрели два шампанских горлышка: одно – золотое, другое – серебряное (А. Чудаков); Не берусь судить, испытывал ли смущение носитель, но «чацкому» сюртуку, особенно в первое время, было очень даже неловко (В. Рецеттер); – Папа! – слышит Зайкин за дверью, – показать тебе мою насекомую коллекцию? (А. Чехов). Ясно, что «движущей силой» десубстантивации является ВФ существительных, хранящая облик имени прилагательного, что, собственно, и позволяет говорящему миновать стадию морфемного образования отсубстантивного относительного или притяжательного прилагательного.

(2) Деадвербиализацией мы называем окказиональное образование существительных путем семантической переоценки морфемного материала наречий и наречных выражений, когда деривационные морфемы, приставки и суффиксы, отождествляются говорящими с предлогами и флексиями и начинают функционировать по правилам грамматической производности. Деадвербиализация может иметь различные формы речевой манифестации.

Она выражается, во-первых, с помощью согласованного определения, которое может вставляться внутрь наречия: *Медя никогда не участвовала в огромных переселениях, сопровождавших отечественную историю, и только по близкой наслышке знала о теплушках, скотских вагонах и очередях за кипятком на станциях* (Л. Улицкая); относиться ко всему наречию, осмысленному как падежная форма существительного: *На кухне на специальной полке почетным рядом стояли пачки московских аптечных травок ...* (П. Дашкова); относиться к имплицитно выделяемому в наречной форме существительному, так что внешне наречие сохраняет свою нерасчлененность: *Наутро, в которое плавно перетекла ночь, настроение паршивейшее* (М. Соколова).

Во-вторых, через вычленение из наречия существительного и образование новых падежно-числовых форм этого существительного: *Научный пафос Марра был конкретен, поддавался оцупи [ср. на оцупь], лежал в материале* (О. Фрейденберг); *И впоследствии (поскольку это последствие длилось), ему казалось...* (В. Набоков); *Мое «в упор» всегда встречало робкую «кось» [ср. вкось], чаще мужскую, чем женскую* (О. Новикова).

В-третьих, деадвербиализующее оживление ВФ может выражаться в необычном для наречия, но свойственном существительному управлении родительным атрибутивным: *Как, почему, зачем пролежал этот фильм в пыльной заперти книгохранилища целых двадцать лет?* (газ.); *Изначала Афинской растленна демократия – вязкое дно* (А. Межиров).

Наконец, деадвербиализация бывает обусловлена контекстуальной актуализацией структурно-семантической аналогии между наречием и формой существительного. В этом случае наречие и субстантивная форма занимают позицию однородных членов предложения: *... они убеждаются, что Онегин не эгоист по натуре, а эгоист поневоле* (Н. Зверева); *А если вдруг откроется ей, что если раздеть ее не до гола [орфография автора – Н.П.], а до души, то вспомнит она свою усталость и боязнь постареть* (М. Анчаров); *Вернувшись в Москву, она – впопыхах, в поисках идеологий, часто нелепых* (газ.)

(3) Способность к адъективации заложена в самой природе причастий как синкретичного класса слов в русском языке. Глагольные и адъективные свойства их объективно находятся в «количественном» равновесии. При адъективации равновесие нарушается, глагольные свойства нейтрализуются за счет того, что говорящий отказывается от употребления актуализаторов глагольной семантики (или, что одно и то же, глагольных категорий): специальных форм со значением субъекта, объекта, образа, времени действия. Оторванное от этих необходимых параметров действия причастие, согласно коммуникативным задачам автора речи, приобретает значение непроцессуального признака предмета, что нередко сопровождается развитием качественно-метафорических значений. Обратные процессы деадъективации заключаются в «возрождении» глагольности, речевая же манифестация их может проявляться только синтаксически – через употребление говорящим тех актуализаторов действия, о которых мы говорили выше. Если прилагательное омонимично существующему в языке причастию, то его возможная деадъективация практически ненаблюдаема, поскольку соответствующий речевой факт всегда можно объяснить как употребление причастия. Интересное исключение составляют случаи, когда деадъективация является неполной и слово проявляет признаки и прилагательного, и причастия: *Во время Великой Отечественной Клавдия Ивановна была одной из самых любимых бойцами певиц* (газ.); *В эссе «Любовь безумца» приведен страшный до дикости случай в «цивилизованном всячески» городе на Майдане* (газ.). В первом примере интересующая нас форма *любимый* употреблена, как прилагательное, в форме превосходной степени и одновременно имеет при себе творительный субъекта, что свидетельствует о ее «причастном» переосмыслении говорящим. Во втором случае *цивилизованный* выражает значение прилагательного («культурный, развитый») и в то же время подчиняет себе наречие образа действия, оживляющее ВФ причастия.

С наибольшей наглядностью влияние ВФ на грамматическое переосмысление прилагательного можно продемонстрировать на материале «кваситранспозитов» – отглагольных прилагательных с суффиксами –ем–/–им–: *непредставимый, необъяснимый, непоколебимый* и под. От страдательных причастий настоящего времени указанные девербативы отличаются как формальными, так и семантическими признаками: наличием основы совершенного вида или основы непереходного глагола, регулярным семантическим наращением модального характера. При всем том способ представления понятия в этих словах таков, что они вызывают устойчивую ассоциацию с причастием. Именно этим объясняется отмеченный Л.П. Калакуцкой феномен восприятия: «...прилагательные типа *необитаемый, невыразимый* и под. столь трудно

отличить от страдательных причастий настоящего времени, что они все, очевидно, воспринимаются на практике как страдательные причастия настоящего времени» [Калакуцкая 1971, с. 163]. Мысль Л.П. Калакуцкой хочется уточнить: семантическую разницу между отглагольным прилагательным, например, *невыразимый* и причастием (*не*) *выражаемый* носители языка достаточно отчетливо понимают и могут объяснить; отождествляющие ассоциации возникают именно на основании ВФ прилагательных на –м–. Деадъективация указанных прилагательных происходит через актуализацию семантики пассива и получает следующие формы речевого выражения:

употребление в конструкциях с прилагательным на –м– творительного агенса: *За тем, что рассказал Фэлкон, стояло больше, чем слова... куда больше... не испытанное, не представимое ими никогда* (Е. Груш); *Шифровка повелевала командиру крейсера «Лайон» срочно выходить в море, покинуть территориальные воды страны – до 24.00 текущих суток, а не послезавтра, как было по плану, и спешка, Джорджем не объяснимая, понималась Петей и Глашей точно и просто* (А. Азольский); *Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и Царя православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия и безначалия* (Иоанн Кронштадский);

употребление в аналогичных условиях творительного орудийного, управление которым несвойственно другим отглагольным прилагательным: *Через пару часов развезет все в жидкую кашу, по городу ни пройти ни проехать, а на ботинках непременно выступят не победимые никаким гуталином мерзкие белые разводы* (И. Иртенев); *Не остановимый ни воплями женщин, ни криками собственных соратников, Сухоручка наконец выстрелили* (Е. Евтушенко); *...на поверхности же всегда будут пребывать и загадочные, не постижимые земным разумом тексты* (В. Сендеров);

употребление прилагательных с наречиями образа действия и наречиями *легко, трудно*, что также несвойственно другим прилагательным, в том числе и отглагольным, но характерно для причастий: *Со временем научиться имитировать «технически» можно что угодно и на любом уровне качества, никак не отличимого от возможностей человека (газ.)*; *Наступила тишина, которая казалась почти физически ощутимой* (М. Райнхарт, перев.); *Потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая* (Б. Акунин).

**Выводы.** Во всех описанных случаях «обратной» транспозиции происходит семантическая переоценка морфемного материала существительных, наречий, прилагательных: аффиксы, выполняющие в синхронии языка деривационные функции, под влиянием ВФ слов осмысливаются как грамматические. «Обратная» транспозиция открывает говорящим доступ к синтагматическому потенциалу той части речи, чей образ хранит слово, и тем самым позволяет не только экономно, но и семантически многопланово выразить нужную мысль, поскольку «обратные» транспозиты, вызывая двойные ассоциации, как правило, приобретают в тексте обогащенный смысл.

### Источники и литература

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
2. Блинова О.И. Явление мотивации слов. – Томск: Изд-во Томского университета, 1984. – 191 с.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. университет, 1996. – 214 с.
4. Ермакова О.П., Земская Е.А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 44. № 6, 1985. – С. 518 – 525.
5. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. – М.: «Наука», 1971. – 227 с.
6. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование: Учебник. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 296 с.
7. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Ин-т русского яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1996. – 222 с.
8. Чернейко Л.О. Проблема дискурса в свете концепции внутренней формы слова, языка, речи // Текст. Структура и семантика: Доклады X Юбилейной международной конференции. / Отв. ред. Е.И. Диброва. Т. 1. – М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. – с. 154 – 166.
9. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2–е, доп. – М.: КомКнига, 2005. – 336 с.

### Полухович О.В.

## СПЕЦИФИКА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА ФИЛОСОФИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА У ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Эпоху Возрождения определяют как «открытие мира и человека». Ренессанс не только «открыл» человека, но и пересмотрел всю систему взглядов на мир, Бога, природу, общество, с тем чтобы утвердить гуманистические идеи. Мир воспринимается не как юдоль печали и слёз, а как пространство, открытое для преобразования. Земное предназначение человека видится в следовании законам природы, в уподоблении Богу.

Формированию нового гуманистического мировоззрения во многом способствовало творчество выдающегося поэта, мыслителя Данте Алигьери (1265–1321).

Интерес к человеку, к его внутреннему миру – отличительная черта произведений автора